

# МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

**А.В. Малашенко**

*д.и.н., профессор, руководитель научных исследований,  
Исследовательский институт «Диалог цивилизаций» (Берлин)*

**Ю.А. Нисневич**

*д.полит.н., профессор, Национальный исследовательский университет  
«Высшая школа экономики» (Москва)*

**А.В. Рябов**

*к.и.н., в.н.с., Национальный исследовательский институт мировой  
экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН  
(Москва).*

## СТАНОВЛЕНИЕ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОЙ ОБЩЕПЛАНЕТАРНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

**Аннотация.** Статья посвящена анализу предпосылок и оснований постиндустриального транзита как процесса становления постиндустриальной общепланетарной цивилизации. В исторической ретроспективе показано, что общепланетарная цивилизация начала формироваться уже в условиях перехода на индустриальную стадию развития. Постиндустриальный транзит обусловлен революционными изменениями технологий в энергетической, инфокоммуникационной и иных сферах, которые влекут за собой кардинальные изменения в социальной структуре общества и поле политики. Постиндустриальный транзит представляет собой многоуровневый процесс развития и консолидации цивилизации на новых технико-технологических, социально-экономических и культурно-ценностных основаниях. Под его воздействием локальные цивилизации будут постепенно трансформироваться и интегрироваться в общецивилизационный поток, но в ближайшей перспективе полного исчезновения локальных цивилизационных особенностей, скорее всего, ожидать не следует.

**Ключевые слова:** *цивилизация, постиндустриальный транзит, технологическая революция, глобализация, демократические порядки.*

**JEL:** P29, P49, Z18.

**DOI:** 10.24411/2587-7666-2020-10205.

### Введение. Ретроспектива цивилизационного развития

На аграрной стадии развития человечества цивилизации носили локальный характер. Опыт мировой истории показывает, что некоторые цивилизации существовали полностью изолированно от остального мира (цивилизации майя, ацтеков в Центральной и инков – в Южной Америке). И такое отсутствие взаимодействия по «горизонтали» в течение длительного периода лишало их возможности получения и использования новейших знаний и технологий, что в конечном итоге привело к консервации развития этих цивилизаций, к уязвимости и незащитности перед лицом вторжения завоевателей, обладавших более совершенным технико-технологическим потенциалом.

Столкновения между различными цивилизациями на аграрной стадии развития человечества зачастую приводили к гибели потерпевших военное поражение цивилизаций. Такие явления были широко распространены в Древнем мире, реже в Средние века (в этой связи можно вновь упомянуть цивилизации ацтеков и инков, погибшие под ударами испанских завоевателей). В этом контексте уместно также упомянуть идею, сформулированную британским историком Арнольдом Тойнби, являющуюся одной из ключевых в его творческом наследии: если цивилизация не способна ответить на внешние и внутренние вызовы, она погибает. По его словам, если «действие Вызова-и-Ответа объясняет необъяснимые другим способом и непредсказуемые генезис и развитие цивилизаций, то оно также объясняет их надлом и распад» [Тойнби, 2011. С. 20].

Общепланетарная цивилизация начинает складываться только в условиях перехода человечества на индустриальную стадию развития. Сама постановка проблемы предполагает, что к настоящему времени в мире уже сложилась некая общепланетарная цивилизация. Ее формирование неразрывно связано с процессами глобализации, возникновением глобального мира, который стал реальностью в результате утверждения капитализма как мировой системы хозяйства. В общих чертах общепланетарная цивилизация стала складываться к началу XX в., когда мир оказался поделенным между колониальными империями нового времени, возглавлявшимися ведущими капиталистическими странами и базировавшимися на их экономическом, технологическом и военном превосходстве над остальной частью мира. Промышленные революции в государствах Западной Европы и США обусловили этот разрыв, способствовали формированию единого мирового рынка и предопределили стремление индустриальных государств к доминированию над оставшимися аграрными обществами и странами планеты. Возникшие на Западе политические системы, основанные на принципах разделения властей и соблюдении естественных прав человека, равенства граждан перед законом, а также успехи естественных наук и образования, сделали эти общественные модели привлекательными, по крайней мере, для наиболее продвинутых элит колониальных стран.

В связи с тем, что капитализм первоначально сложился в странах Европы и Северной Америки («Запада»), и именно оттуда шла его экспансия в другие районы планеты, то общепланетарная цивилизация формировалась под определяющим влиянием ценностей, институтов и социальных практик, пришедших с Запада и неразрывно связанных с капитализмом. Как поэтично заметил тунисский историк и мыслитель Хашим Джаит «Западу выпало счастье адекватно выражать современность, и это потому, что он породнился с ней, лучше сказать породил ее, а его мысль и язык гармонично сочетаются в гармонии духа и истории» [Hichem, 1974. P. 91].

Именно из-за своего географического происхождения, а также вследствие отсутствия в тот период конкурентных незападных моделей капитализма, изначально это была западно-центричная цивилизация. Неслучайно, что правительства и лидеры некоторых стран незападного мира, стремившиеся преодолеть их социально-экономическую и культурную отсталость, в проводимых реформах были вынуждены в качестве инструмента и одновременно ориентира развития использовать институты, социальные и управленческие практики, экономические достижения и опыт секуляризации общественной жизни и массового сознания, наработанные западной цивилизацией. В начале XX в. это наглядно проявилось в реформах Мустафы Кемала Ататюрка в Турции, в преобразованиях, которые пыталась осуществлять партия Гоминьдан в Китае.

За пределами западного мира к началу складывания общепланетарной цивилизации возник лишь один центр капитализма, начавший экспансию во внешний мир. Это Япония. Но и она сумела войти в капиталистическое ядро общепланетарной цивилизации только благодаря реформам эпохи Мэйдзи, содержание которых определялось стремлением воспроизвести и использовать опыт ведущих стран Запада, разумеется, с учетом цивилиза-

ционной специфики самой Японии. Великий государственный и политический деятель Индии XX в. Джавахарлал Неру полагал, что в его стране также сложились предпосылки для возникновения индустриального капиталистического общества, но развитие в этом направлении было прервано британской колонизацией [Неру, 1981. С. 198].

Общепланетарная цивилизация изначально носила «проникающий» характер. Она не уничтожила, не поглотила локальные цивилизации незападного мира, хотя и оказала на них сильное влияние. В результате взаимодействия общепланетарной и локальных цивилизаций, которое в литературе связывают с процессами глокализации [Железняков, 2008. С. 299], страны и регионы незападного мира стали сочетать в себе глобалистский универсализм и местную цивилизационную специфику. Это соотношение в разных регионах мира было различным. В наименьшей степени глобалистское влияние затронуло страны черной Африки. Здесь по-настоящему не привились ни западные ценности, ни западные институты, не сложились и современные национальные государства. При этом локальные институты и ценности слабо адаптируются к культурным, экономическим и политическим вызовам XX–XXI вв. Напротив, как уже отмечалось выше, индийская цивилизация успешно восприняла западные институты, сохранив собственное цивилизационное ядро и частично приспособив свои ценности и институты к современным реалиям. То же самое можно сказать и о новых индустриальных странах Тихоокеанской Азии (Южной Корее, Тайване, Сингапуре, Гонконге, Таиланде), совершивших стремительный рывок в развитии в последней трети XX в. Что же касается арабского и значительной части мусульманского мира, то здесь универсалистский проект в целом потерпел поражение, а попытки цивилизационного синтеза в формате «арабского социализма» [Hanna, Gardner, 1969] оказались недолговечными. Существует мнение, что такой результат объясняется плохой восприимчивостью исламской цивилизации к системе норм, ценностей и институтов, выработанных Западом. В исламском мире проявляют большой интерес к использованию достижений Запада в области экономики, науки и технологий, но хотели бы отгородиться от опыта западных стран в сфере организации общественно-политической жизни. Лишь некоторые из мусульманских стран сумели воспроизвести, и то со значительными ограничениями, демократические политические системы (Индонезия, Малайзия, Тунис, Турция).

В XX в. после победы большевистской революции в России 1917 г. была предпринята альтернативная попытка создать общепланетарную цивилизацию на основе коммунистической идеологии, отвергавшей рыночно-капиталистическую систему хозяйства и порождаемое ею социальное неравенство. Она предполагала унификацию институтов, ценностей, общественных практик во имя достижения социального равенства и построения всемирного общества «трудящихся классов». В реализацию коммунистического проекта в конечном итоге оказалось вовлечено до трети человечества. Таким образом, после Первой мировой войны общепланетарная цивилизация оказалась расколотой на две части, причем вторая, новая во второй половине XX столетия имела явную тенденцию к расширению. Но в конечном итоге попытка реализации коммунистического проекта не выдержала конкуренции в соревновании с глобалистским проектом с капиталистической основой, который продвигали страны Запада, и потерпела крах.

## **Технико-технологические основы постиндустриального цивилизационного транзита**

Процесс постиндустриального перехода был обусловлен глубокими технологическими сдвигами и, по мнению большинства специалистов, начался в 50-60-е годы прошлого века в связи с постепенным развертыванием «компьютерной революции». «Она привела к появлению небольших и недорогих машин для обработки данных, в том числе

персональных компьютеров ... и позволила компаниям и людям делать ранее невозможное – от использования электронных бирж и простой и дешевой телефонной связи по всему миру до компьютерного управления станками, чрезвычайно быстро и точно режущими по металлу» [Марш, 2015. С. 368–369]. Этот период принято связывать с «третьей промышленной революцией» («вторая промышленная революция» ознаменовалась массовым использованием электричества).

На этом технологическом этапе постиндустриальный транзит не завершился. Он продолжается в ходе «четвертой промышленной революции», начавшейся примерно на рубеже XX и XXI столетий, которая будет сопровождаться несколькими технологическими прорывами по целому ряду направлений, включающих массовое применение робототехники, создание искусственного интеллекта, новые биотехнологии, использование новых видов энергии, совершенствование компьютерной техники в сторону ее дальнейшей персонализации [Шваб, 2017. С. 140–197].

Но даже утверждение новой постиндустриальной цивилизации полностью не ведет к автоматическому «подтягиванию» к ее уровню обществ, находящихся на более низких стадиях развития, не унифицирует в короткие сроки мировое социальное пространство. Так, в настоящее время «в ожидании второй промышленной революции находится население 17% мировой территории, так как около 1,3 млрд человек все еще не имеют доступа к электричеству. Примерно половина населения земного шара, или 4 млрд человек ожидают третью промышленную революцию, поскольку большинство из них живут в развивающихся странах, где нет доступа к сети Интернет» [Шваб, 2017. С. 17].

Феномен, который формирует качественно новую технологическую в широком смысле этого понятия основу постиндустриального развития, был предсказан еще в 1980 г. Тоффлером в книге «Третья волна» (The Third Wave: The Classic Study of Tomorrow). Под феноменом «третья волна» он понимал рождение новой цивилизации, в процессе которого революционные изменения претерпевают техносфера, инфосфера, социосфера и властная сфера [Тоффлер, 2004. С. 26].

Тектонические изменения в техносфере, порожденные «третьей волной», связаны, в первую очередь, с революционными изменениями в энергетике и развитии технологий.

Постиндустриальное развитие энергетике сопровождается не только ее количественными, но и структурными изменениями, которые происходят потому, что видоизменяются и возникают новые потребности «не только в определенном количестве энергии, но в энергии, вырабатываемой в возможно более разнообразных формах, в разных (и меняющихся) местах, в разное время дня, ночи и года и для конкретных целей» [Тоффлер, 2004. С. 230].

Эпоха доминирования таких не возобновляемых источников энергии, как уголь, нефть и газ постепенно, но неумолимо заканчивается. Преобладающей тенденцией развития энергетике становится диверсификация источников энергии и синтез разнообразных, интенсивно совершенствующихся и вновь создаваемых технологий производства и транспортировки энергоресурсов и энергии, а также энергосбережения. Как отмечает Тоффлер: «большая часть энергетических запасов будет обеспечиваться за счет возобновляемых, а не истощаемых, источников. Энергетическая база Третьей волны не станет зависеть от сконцентрированных в нескольких местах источников топлива, будет пользоваться и целым спектром разбросанных во многих местах источников энергии. Уменьшится зависимость от высоко централизованных технологий, будут сочетаться как централизованное, так и децентрализованное производство энергии» [Тоффлер, 2004. С. 233].

При этом современные государства стремятся к максимальной независимости от конкретных поставщиков, прежде всего, ископаемых и невозобновляемых энергоресурсов. Это обуславливает формирование глобального рынка энергоресурсов, разнообразных видов энергии и технологий ее производства, их трансграничной транспортировки и энергосберегающего потребления.

Формирование новой техносферы на основе синтетического развития технологий постиндустриального общества наряду с созданием технологий новой энергетики и новых материалов, использования открытого космоса и глубин океана, а также биотехнологий, включая генные технологии, базируется на революции в области информационно-коммуникационных технологий (ИКТ).

Роль и значение ИКТ в постиндустриальном развитии цивилизации, осуществлении по сути информационной революции и формировании порождаемого такой революцией нового типа общества, которое многие исследователи определяют как информационное [Martin, 1988; Masuda, 1990; Мусеев, 1995; Кастельс, 2000; Уэбстер, 2004], трудно переоценить.

Ключевым результатом революции в области ИКТ представляется качественное изменение инфосферы, ее децентрализация, демассификация [Тоффлер, 2004. С. 266] и трансформация в информокоммуникационную среду с сетевой инфраструктурой, основанной на применении новейших информационно-коммуникационных сетей и систем. Такая сетевая инфокоммуникационная среда предоставляет «социальной системе совершенно новый уровень коммуникации» [Тоффлер, 2004. С. 288] и становится «нервной системой» современного социума, в которой каждый человек потенциально наделяется новыми технологическими возможностями и призван выполнять функцию «нейрона», генерирующего и передающего необходимые для ее жизнедеятельности информационно-коммуникационные импульсы.

Дальнейшее развитие компьютерных технологий, особенно 4D, позволит максимально развернуть производство к запросам индивидуального потребителя. Экономика постиндустриального общества будет основываться на «немассовом» производстве.

Здесь необходимо отметить, что формирование новой технологической основы постиндустриального развития породило в конце XX в. доселе неизвестный, качественно новый для человеческой цивилизации феномен, который получил название «глобализация».

Первоначально термин «глобализация» возник как нейтральная характеристика процессов, связанных с глобальными последствиями технологической революции, как нейтральный экономический термин. Глобализация, как писал американский политолог Збигнев Бжезинский, «отражала новую реальность возрастающей глобальной взаимозависимости, движимой в основном новыми технологиями связи, когда национальные границы, оставаясь демаркационными линиями на карте, перестают быть реальным препятствием для свободной торговли и движения капитала» [Бжезинский, 2006. С. 186].

Сегодня же глобализация выражает «процесс расширения, углубления и ускорения мирового сотрудничества, затрагивающий все аспекты современной социальной жизни – от культурной до криминальной, от финансовой до духовной» [Бжезинский, 2006. С. 3].

Исследователи и эксперты по-разному оценивают продолжительность постиндустриального транзита. Так, по мнению американского историка экономики Натана Розенберга, «эффект, вызванный поколением компьютеров, полностью проявится в далеком будущем» [Марш, 2015. С. 370]. Другие прогнозы более конкретны и не связаны со столь отдаленными перспективами. С точки зрения российского экономиста Сергея Циреля, эффект от нынешнего этапа развития современных технологий в социальном плане просуществует недолго и будет исчерпан не более 1–1,5 поколений, после чего качественно новый рывок в осуществлении технологической революции, связанный с вмешательством в генетику человека и попытками улучшения человеческой природы [Цирель, 2017. С. 58, 60]. Но это будет движение к новой цивилизации, не имеющей ничего общего со всей предыдущей историей человечества.

## Идеологические и политико-правовые предпосылки постиндустриального транзита

Консолидация общепланетарной цивилизации в процессе постиндустриального транзита была бы невозможной без соответствующих идеологических и политико-правовых предпосылок. В этом контексте знаковой оказалась парадигма «конца истории», сформулированная в 1989 г. американским политологом Френсисом Фукуямой (правда, в конце названия статьи был поставлен вопросительный знак, свидетельствующий о гипотетическом предположении, а не об однозначном утверждении) [Фукуяма, 1990]. Позднее Фукуяма развил основные положения этой статьи в специальной книге [Фукуяма, 2007]. Он полагал, что после исторического поражения коммунистического проекта «либеральная демократия может представлять собой “конечный пункт идеологической эволюции человечества” и “окончательную форму правления в человеческом обществе”, являясь тем самым “концом истории”. <...> Хотя какие-то современные страны могут потерпеть неудачу в попытке достичь стабильной либеральной демократии, а другие могут вернуться к иным, более примитивным формам правления, вроде теократии или военной диктатуры, но идеал либеральной демократии улучшить нельзя» [Фукуяма, 2007. С. 7].

Представляется, что «конец истории» следует рассматривать как некую идеальную перспективу постиндустриального развития, смысл которой в существенной, но не абсолютной универсализации политических и государственных порядков, воплощающих в регулировании жизни социума базовые либеральные ценности и принципы демократии. Иными словами, либеральная демократия рассматривается в качестве оптимальной политико-правовой формы существования постиндустриальной цивилизации, экономической основой которой является глобальный капитализм. При этом, исходя из того, что «либерализм и демократия, хотя и тесно связаны между собой, – это отдельные понятия» [Фукуяма, 2007. С. 85], в феномене «конец истории» можно выделить два компонента: ценностный и институциональный.

Ценностный компонент феномена «конец истории» состоит в том, что базовая социальная ценность либерализма – человек, его права и свободы – стала не только формально общепризнанной ценностью современного мира, но и в той или иной мере воплотилась в реальной жизни многих современных государств.

Институт прав и свобод человека как институт международного права, составляющий ценностно-правовую основу миропорядка, который формируется в процессе постиндустриального транзита, начал создаваться только после Второй мировой войны, когда мировое сообщество, принеся огромные человеческие жертвы молоху тоталитарных идеологий, пришло к пониманию необходимости поиска основ, и прежде всего правовых, для мирного сосуществования разных государств и народов.

Сегодня человек, его права и свободы признаются в качестве базовой социальной ценности, по крайней мере, формально-юридически, а именно в форме участия в соответствующих международных пактах подавляющим большинством (более 85%) суверенных государств – членов ООН. Таким образом, «приоритет человека вообще, без примет и отличий, человека как такового» [Ортега-и-Гассет, 2003. С. 26] после десятилетий испытаний тоталитаризмом и войной обрел свое место в мировой политической практике. Но при этом, по данным американской неправительственной организации Freedom House за 2018 г., только 86 (44,1%) суверенных государств, в которых проживает порядка 39% населения планеты, могут считаться свободными, т.е. такими в которых политические права и гражданские свободы реально соблюдаются должным образом [Freedom in the World, 2019].

Важно отметить, что признание в качестве ценностно-правовой основы формирующегося миропорядка человека, его прав и свобод послужило отправной точкой процесса, которой обозначают как процесс деидеологизации – устранения влияния идеологии на массовое политическое сознание и общественные процессы [Погорелький, Филиппов, Фесенко, 2010. С. 82], наступления «постидеологической эпохи» [Зиновьев, 2003. С. 178] или, как представляется более корректным, эпохи «банкротства классических политических идеологий» [Халапсис, 2010].

Этот процесс получил теоретическую интерпретацию в политической науке в форме тезиса о «конце идеологии». Как отмечает российский политолог Александр Соловьев, «в 50-60-х гг. прошлого века Раймон Арон, Эдвард Шиллз, а чуть позже Даниэл Бэлл и Сеймур Липсет поставили вопрос о «конце идеологии»... [который] в основном был связан с критикой тоталитаризма и особенно сталинизма как той формой организации власти, при которой идеология превращалась из фактора правления в принципиальное основание всей системы политического господства ...» [Соловьев, 2007. С. 348]. Очевидно, что тезис о «конце идеологий» послужил одним из оснований для предположения Фукуямы о «завершении идеологической эволюции человечества».

Институциональный компонент феномена «конец истории» состоит в том, что доминирующей формой организации политических и государственных порядков стала основанная на свободе выбора современная полиархическая демократия. Подход к современной представительной демократии как к демократии полиархической в смысле «власти многих» был предложен американским политологом Робертом Далем [Даль, 2000. С. 90], а социальным обоснованием такого подхода может служить представление испанским философом Хосе Ортегой-и-Гассетом структуры общества как совокупности управляемых масс и управляющих элит, которые меняются у власти в результате демократических выборов [Ортега-и-Гассет, 2003. С. 15].

Необходимо отметить, что, во-первых, демократия постоянно эволюционирует по мере цивилизационного развития и, во-вторых, не существует двух абсолютно одинаковых практик демократии, которая в каждой стране реализуется со своей национально-исторической спецификой и особенностями. При этом демократию, которая по выражению американского политолога Адама Пшеворского есть «система упорядоченной неограниченности или организованной неопределенности» [Пшеворский, 2000. С. 31], характеризуют универсальные в смысле общности для всех национальных моделей политические и государственные порядки, которые и определяют ее сущностное отличие от других форм организации таких порядков<sup>1</sup>.

Завоевание демократией доминирующего положения в мире началось с падения правых авторитарных режимов в Южной Европе и, прежде всего, в Португалии и Испании, затем в 80-е гг. серия переходов к демократии произошла в Латинской Америке и Юго-Восточной Азии, а в феврале 1990 г. начался демонтаж режима апартеида в Южной Африке [Фукуяма, 2007. С. 44–46]. Это привело к тому, что количество либеральных демократий в мире увеличилось с 30 в 1975 году до 61 в 1990 г. [Фукуяма, 2007. С. 94].

Дальнейшее наступление демократии было обусловлено падением в 90-е гг. левых посттоталитарных режимов и, прежде всего, коммунистических – в СССР и странах Восточной Европы. И если в 1974 г. по крайней мере, 68% всех стран с полным основанием можно было назвать авторитарными, то к концу 1995 г. почти 75% всех стран приняли за норму процедуру альтернативных выборов и предоставили своим гражданам некоторые формальные гарантии политических и гражданских прав [Хелд и др., 2004. С. 55].

Тот факт, что демократия как форма организации политических и государственных порядков с конца XX в. начала занимать доминирующее положение в мире, подтверждает

<sup>1</sup> О политических и государственных порядках современной демократии см.: [Нисневич, 2017. С. 82–87].

и исследование «Свобода в мире» (Freedom in the World), проводимое с 1989 г. организацией Freedom House. Результатом этого исследования является разделение государств на два кластера: недемократические и электоральные демократии. Электоральная демократия определяется наличием конкурентной многопартийной системы и всеобщего избирательного права, регулярным проведением свободных и честных выборов при тайном голосовании, открытостью избирательной кампании и доступностью для всех партий средств массовой информации [Freedom in the World, 2012]. Таким образом, электоральная демократия представляет собой государство, в котором реализуется хотя бы минимально необходимый для представительной демократии политический порядок – свободные, честные и состязательные выборы.

Результаты этого исследования показывают, что количество электоральных демократий с 1989 г. увеличилось более чем в 1,75 раза, хотя процесс распространения демократий в мире носит, как и предполагал Фукуяма, колебательный характер. По состоянию на 2018 г. 112 (58%) государств-членов ООН являлись электоральными демократиями.

Следует отметить, что тенденция изменения в последней четверти XX в. мирового политического ландшафта в результате крушения диктаторских и авторитарных режимов была слишком оптимистично воспринята как глобальная тенденция демократизации, замены авторитарных режимов демократическими. Однако политическая практика не подтвердила прямолинейность этой тенденции, которая благодаря американскому политологу Сэмюэлю Хантингтону получила широкую известность как «третья волна» демократизации [Хантингтон, 2003] и даже породила новое направление академических исследований под названием «теория демократического транзита». В реальности на месте рухнувших авторитарных режимов стали возникать не только демократические, но и иные режимы, хотя и отличные от жестких авторитарных, но и не демократические. Такие режимы представляют собой новую проблемную область мирового политического процесса, создают новые вызовы и проблемы формирующемуся миропорядку.

Принципиальное значение имеет тот факт, что анализ конституций современных государств показывает, что в 184 (95%) государствах – членах ООН в качестве основ их конституционного строя в той или иной форме установлены демократические политические и государственные порядки и, в обязательном порядке, в качестве основополагающего механизма формирования и легитимации публичной власти институт всеобщих выборов [Нисневич, 2018]. При этом в тех государствах, которые не являются электоральными демократиями, всеобщие выборы и иные сопутствующие им демократические политические порядки очевидно если и имеют место, то носят тот или иной имитационный характер. Такое имитационное использование демократии происходит, как отмечает Фукуяма, «из-за набирающего силу мнения, что в современном мире единственный легитимный источник власти – демократия» и в результате этого «даже самые твердокаменные диктаторы считают себя обязанными получить хотя бы налет демократической легитимности, устроив выборы» [Фукуяма, 2007. С. 56–57]. Таким образом, в процессе постиндустриального транзита наряду с распространением реальной демократии и обозначился качественно иной, новый процесс имитации демократии авторитарными режимами.

Успехи экономического и социального развития, которые в последние десятилетия достигли страны авторитарного капитализма – Китай и Сингапур, побуждают многих аналитиков усомниться в том, что либеральная демократия является не только наилучшей, но и безальтернативной политической формой постиндустриального транзита. Вопрос этот в значительной мере остается дискуссионным, особенно с учетом того, что опыт КНР и Сингапура может оказаться привлекательным для многих развивающихся стран. (Впрочем, нельзя не учитывать и то обстоятельство, что ряд стран Восточной Азии, где, как в Китае и Сингапуре, конфуцианство как религиозно-политическая доктрина играет заметную роль в жизни общества, совершили успешный переход к либеральной демократии – Япония, Южная Корея, Тайвань).

## Сохранятся ли цивилизационные различия?

В ходе развертывания постиндустриального транзита в результате коммуникационной революции, глобализации экономики и финансов, повсеместного распространения массовой культуры и унифицированных потребительских стандартов существенно усиливается универсалистское давление на локальные цивилизации. В этой связи высказывается мнение, по которому «отличие новой промышленной революции от предыдущих четырех периодов будет заключаться в том, что ее эффект будет распространяться равномерно по всему миру, не будучи сконцентрирован в ограниченной группе развитых или богатых стран... Различия между «развитыми» и развивающимися странами начнут разрушаться» [Марш, 2015. С. 364–365].

Процесс выравнивания неизбежно будет сопровождаться утратой локальными цивилизациями своей специфики и, в конечном счете, их разрушением. Строго говоря, в современном мире уже сейчас можно наблюдать за развитием таких процессов. Под влиянием глобализации поначалу меняется периферия локальных цивилизаций, но затем, гораздо медленнее, начинает изменяться их ядро. На воздействие глобализации вынуждены реагировать даже такие страны, которые, соглашаясь на осуществление технико-технологической модернизации, ранее стремились сохранить свой особый цивилизационный уклад без каких-либо изменений. Наглядным примером этого служит Саудовская Аравия, в течение длительного времени выступавшая в роли одного из оплотов мусульманской цивилизации, жестко отвергавшего любые попытки модифицировать традиционные исламские нормы и институты. Ныне в Саудовской Аравии осторожно начинают внедряться элементы представительной власти, получают некоторые права женщины, происходит ограниченная либерализация норм поведения.

Поэтому следует признать, что точка зрения, согласно которой в ближайшие десятилетия локальные цивилизации полностью исчезнут под воздействием всеобщей унификации и в этом смысле наступит «конец истории», имеет под собой определенные основания.

Однако существует проблема, которая побуждает рассматривать перспективу сохранения локальных цивилизаций не столь однозначно. Дело в том, что в конце XX – начале XXI в. развитый капитализм перестал быть монополией стран Запада. Страны Восточной и Тихоокеанской Азии, и прежде всего Китай, сохраняющие, как уже говорилось, свою значительную цивилизационную специфику, стали вторым центром развитого капитализма в мире. Однако признание этого факта порождает различные интерпретации. Так, рассуждения в русле признания неизбежности складывания единой универсальной цивилизации приводят их сторонников к выводу, что страны Восточной и Тихоокеанской Азии, несмотря на всю свою цивилизационную специфику, не являются носителем альтернативной модели капитализма. Их нынешний авторитарный капитализм (или капитализм со значительными элементами авторитаризма) всего лишь переходное состояние на пути к модели, основанной на демократии и открытой рыночной экономике. Более того, даже нынешняя «восточноазиатская» модель стала возможной лишь при прямом участии Запада (инвестиции, технологии, военно-политическая поддержка). Поэтому в перспективе эта модель неизбежно вестернизируется.

Впрочем, согласно другой точке зрения, возникновение еще одной модели развитого капитализма указывает на тенденцию к усилению цивилизационного плюрализма в современном мире. В частности, в политических и экспертных кругах США и других стран Запада растет убеждение, что политическая система современного Китая, основанная на монополии на власть Коммунистической партии Китая (КПК), отличается значительной устойчивостью, и углубление рыночных реформ вовсе не ведет к ее разрушению, как считалось раньше. Более того, овладение КПК современными компьютерными технологиями

управления способствует лишь укреплению этой системы («цифровой ленинизм») [Борох, Ломанов, 2018. С. 68].

Возможно, к нынешним двум моделям развитого капитализма – демократической и авторитарной со временем добавятся и другие.

Поэтому все же следует признать весомость аргументов, выдвигаемых теми аналитиками, кто полагает, что, судя по всему, четвертая промышленная революция не приведет к окончательному исчезновению локальных цивилизационных особенностей. Безусловно, будет происходить дальнейшая универсализация ценностей и институтов. Однако при этом общества, имеющие разные стартовые возможности на начальном этапе четвертой промышленной революции, будут стремиться максимально задействовать потенциал своих локальных цивилизаций, чтобы по-своему адаптироваться к новым вызовам. Пока не совсем понятно, как будут приспосабливаться к этим условиям арабские и мусульманские страны, до сих пор либо противившиеся общецивилизационному прогрессу, либо относившиеся к нему выборочно, пытаясь по максимуму сохранить традиционные институты и ценности, но позаимствовать у развитой части мира технические и технологические достижения.

Таким образом, перспективы развития общепланетарной цивилизации по ряду аспектов на ближайшие годы остаются достаточно дискуссионными.

## **Заключение**

Постиндустриальный транзит представляет собой многоуровневый процесс развития и консолидации общепланетарной цивилизации на новых технико-технологических, социально-экономических и культурно-ценностных основаниях. Под его воздействием локальные цивилизации, в той или иной степени сохраняющие свою самобытность в современных условиях, предположительно будут постепенно разрушаться и интегрироваться в общецивилизационный поток. Однако остается пока не до конца понятным, является ли такой процесс универсальным для всех стран, или же останутся некоторые исключения, обусловленные цивилизационной спецификой отдельных государств.

Постиндустриальная цивилизация, по-видимому, вряд ли успеет обрести законченные формы, так как уже к середине нынешнего века в результате революции в биологии, скорее всего, начнут меняться основы человека как биологического вида. И это станет началом новой цивилизации, принципы устройства которой в настоящее время пока даже не просматриваются. При этом ныне остается не ясным, произойдет ли к тому моменту окончательное «растворение» локальных цивилизаций в общепланетарной или они так останутся небольшими рудиментами прошлого.

ЛИТЕРАТУРА

- Бжезинский Зб.* (2006). Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство. М.: Международные отношения.
- Борох О., Ломанов А.* (2018). Новая эпоха Китая: от обогащения к усилению // *Мировая экономика и международные отношения.* №3. С. 59–70.
- Даль Р.* (2000). О демократии. М.: Аспект Пресс.
- Железняков А.С.* (2008). Цивилизационные пространства: проблемы глокализации // *Россия в глобальных процессах: поиск перспективы / Отв. ред. член-корр. РАН М.К. Горшков.* М.: Институт социологии РАН. С. 297–314.
- Зиновьев А.А.* (2003). Запад. М.: Эксмо.
- Кастельс М.* (2000). Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ.
- Марш П.* (2015). Новая промышленная революция. Потребители, глобализация и конец массового производства. М.: Институт Гайдара.
- Моисеев Н.Н.* (1995). Информационное общество как этап новейшей истории // *Межотраслевая информационная служба.* №4. С. 3–8.
- Неру Дж.* (1981). Взгляд на всемирную историю: письма дочери из тюрьмы, содержащие свободное изложение истории для юношества. Т. 2. М.: Прогресс.
- Нисневич Ю.А.* (2017). Политика и коррупция. Коррупция как фактор мирового политического процесса. М.: Юрайт.
- Нисневич Ю.А.* (2018). Институт выборов как механизм легитимации публичной власти // *Мировая экономика и международные отношения.* №2. С. 62–72.
- Ортега-и-Гассет Х.* (2003). Восстание масс. М.: АСТ.
- Погорелый Е.Д., Филиппов К.В., Фесенко В.Ю.* (2010). Новейший политологический словарь. Ростов на Дону: Феникс.
- Пшевровский А.* (2000). Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. М.: РОССПЭН.
- Соловьев А.И.* (2007). Политическая идеология / *Политология: Лексикон.* М.: РОССПЭН. С. 346–365.
- Тойнби А.Дж.* (2011). Цивилизация перед судом истории. Мир и Запад. М.: АСТ: Астрель; Владимир: ВКТ.
- Тоффлер Э.* (2004). Третья волна. М.: АСТ.
- Уэбстер Ф.* (2004). Теории информационного общества. М.: Аспект Пресс.
- Фукуяма Ф.* (1990). Конец истории? // *Вопросы философии.* № 3. С. 134–155.
- Фукуяма Ф.* (2007). Конец истории и последний человек. М.: АСТ.
- Халасис А.В.* (2010). Постидеологический мир? // *Грані. Науково-теоретичний і громадсько-політичний альманах.* №6 (74). С. 60–62.
- Хантингтон С.* (2003). Третья волна. Демократизация в конце XX века. М.: РОССПЭН.
- Хелд Д., Гольдблатт Д., Макгрю Э., Перратон Д.* (2004). Глобальные трансформации: Политика, экономика, культура. М.: Практика.
- Цирель С.В.* (2017). Экономика ближайшего будущего // *Terra Economicus.* Т.15. №1. С. 44–67.
- Шваб К.* (2017). Четвертая промышленная революция. М.: Изд-во «Э».
- Freedom in the World 2012. Methodology.* Freedom House. [freedomhouse.org/report/freedom-world-2016/methodology](http://freedomhouse.org/report/freedom-world-2016/methodology) (дата обращения: 25.03.2020).
- Freedom in the World (2019).* Freedom House. [freedomhouse.org/report/freedom-world/freedom-world-2019/democracy-in-retreat](http://freedomhouse.org/report/freedom-world/freedom-world-2019/democracy-in-retreat) (дата обращения: 25.03.2020).
- Hanna Sami A., Gardner George Y.* (1969). Arab Socialism. [al-Ishtirakiyah Al-Arabiyyah]: A Documentary Survey. Leiden: Brill.
- Hichem Djait* (1974). La personnalite et le devenir arabo-islamiques. Paris: Edition du Seuil.
- Martin William J.* (1988). The Information Society. London: Aslib.
- Masuda Y.* (1990). Managing in the information society: Releasing synergy Japanese style. Oxford: OX, UK: Cambridge Mass., USA: Basil Blackwell.

**Малашенко Алексей Всеволодович**

*AMalashenko@doc-research.org*

**Alexey Malashenko**

*Doctor of Historical Sciences, professor, Head of Scientific Research, Research Institute «Dialogue of Civilizations», Berlin*

*AMalashenko@doc-research.org*

**Нисневич Юлий Анатольевич**

*jnisnevich@hse.ru*

**Yuliy Nisnevich**

*Doctor of Political Sciences, professor of Department Policy and Management National Research University Higher School of Economics, Moscow*

*jnisnevich@hse.ru*

**Рябов Андрей Виленович**

*andreyr@imemo.ru*

**Andrey Ryabov**

*Ph.D (History), Leading Researcher at the National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Moscow*

**FORMATION OF POST-INDUSTRIAL ALL-PLANETARY CIVILIZATION**

**Abstract.** The article analyzes the prerequisites and grounds of post-industrial transition as a process of formation of a planetary post-industrial civilization. In historical perspective it is showed that planetary civilization began to form already in the conditions of transition to the industrial stage of development. Post-industrial transition is caused by revolutionary changes in technologies in energy, info-communication and other sectors which entail drastic changes in social structure of society and the field of politics. Post-industrial transition is a multi-level process of development and consolidation of civilization on new technical, technological, socio-economic and cultural value bases. Under its influence, local civilizations will gradually transform and integrate into the general civilization flow but in short-term perspective, the complete disappearance of local civilization features should be not expected.

**Key words:** *civilization, post-industrial transit, technological revolution, globalization, democratic orders.*

**JEL:** P29, P49, Z18.

REFERENCES

- Borokh O., Lomanov A. (2018). Novaia epokha Kitaia: ot obogashcheniia k usileniiu [The new era of China: from enrichment to reinforcement] // Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia. №3. Pp. 59–70. (in Russ.)*
- Brzezinski Zb. (2006). Vybor. Mirovloe gospodstvo ili global'noe liderstvo [The choice. Global domination or global leadership]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia. (in Russ.)*
- Castells M. (2000). Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura [Information Age: Economics, Society and Culture]. Moscow: GU VShE. (in Russ.)*
- Dahl R. (2000). O demokratii [On Democracy]. Moscow: Aspekt Press. (in Russ.)*
- Freedom in the World 2012. Methodology. Freedom House. [freedomhouse.org/report/freedom-world-2016/methodology](http://freedomhouse.org/report/freedom-world-2016/methodology) (Access date: 25.03.2020).*
- Freedom in the World 2019. Freedom House. [freedomhouse.org/report/freedom-world/freedom-world-2019/democracy-in-retreat](http://freedomhouse.org/report/freedom-world/freedom-world-2019/democracy-in-retreat) (Access date: 25.03.2020).*
- Fukuyama F. (1990). Konets istorii [The end of history]? // Voprosy filosofii. № 3. Pp. 134–155. (in Russ.)*
- Fukuyama F. (2004). Konets istorii i poslednii chelovek [The end of history and the last man]. Moscow: AST. (in Russ.)*
- Hanna Sami A., Gardner George Y. (1969). Arab Socialism. [al-Ishtirakiyah Al-Arabiyyah]: A Documentary Survey. Leiden: Brill.*
- Held D., Goldblatt D., McGrew A., Perraton J. (2004). Global'nye transformatsii: Politika, ekonomika, kul'tura [Global Transformations. Politics, Economics and Culture]. Moscow: Praksis. (in Russ.)*
- Hichem Djait (1974). La personnalite et le devenir arabo-islamiques. Paris: Edition du Seuil.*
- Huntington S. (2003). Tre'tia volna. Demokratizatsiia v kontse XX veka [The third wave. Democratization in the late twentieth century]. – Moscow ROSSPEN. (in Russ.)*

- Khalapsis A.V.* (2010). Postideologicheskii mir [Post-ideological World]? // Grani. Naukovo-teoretichnii i gromads'ko-politichnii al'manakh. №6 (74). P. 60–62. (in Russ.)
- Marsh P.* (2015). Novaia promyshlennaia revoliutsiia. Potrebiteli, globalizatsiia i konets massovogo proizvodstva [The New Industrial Revolution. Consumers, Globalization and the End of Mass Production]. Moscow: Institut Gaidara. (in Russ.)
- Martin William J.* (1988). The Information Society. London: Aslib.
- Masuda Y.* (1990). Managing in the information society: Releasing synergy Japanese style. Oxford: OX, UK: Cambridge Mass., USA: Basil Blackwell.
- Moiseev N.N.* (1995). Informatsionnoe obshchestvo kak etap noveishei istorii [The Information Society as a Stage in Contemporary History] // Mezhotraslevaia informatsionnaia sluzhba. VIMI. №4. Pp. 3–8. (in Russ.)
- Neru Dzh.* (1981). Vzglid na vsemirnuu istoriiu: pis'ma docheri iz tiur'my, soderzhashchie svobodnoe izlozhenie istorii dlia iunoshstva [A Look at World History: Daughter's Letters from Prison Containing a Free Account of the Story for Young People]. T. 2. Moscow: Progress. (in Russ.)
- Nisnevich Iu.A.* (2017). Politika i korruptsiia. Korruptsiia kak faktor mirovogo politicheskogo protsesssa [Politics and Corruption. Corruption as a Factor in the Global Political Process]. Moscow: Iurait. (in Russ.)
- Nisnevich Iu.A.* (2018). Institut vyborov kak mekhanizm legitimatsii publichnoi vlasti [The Institute of Elections as a Mechanism for the Legitimation of Public Authority] // Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia. №2. Pp. 62–72. (in Russ.)
- Ortega-i-Gasset J.* (2003). Vosstanie mass [Revolt of the Masses]. M.: AST. (in Russ.)
- Pogorelyi E.D., Filippov K.V., Fesenko V.Iu.* (2010). Noveishii politologicheskii slovar'. Rostov na Donu: Feniks. (in Russ.)
- Przeworski A.* (2000). Demokratsiia i rynek. Politicheskie i ekonomicheskie reformy v Vostochnoi Evrope i Latinskoj Amerike [Democracy and Market: Political and Economic Reforms in Eastern Europe and Latin America]. Moscow: ROSSPEN. (in Russ.)
- Schwab K.* (2017). Chetvertaia promyshlennaia revoliutsiia [The Fourth Industrial Revolution]. Moscow: Izd-vo «E». (in Russ.)
- Solov'ev A.I.* (2007). Politicheskaiia ideologiia [Political Ideology] / Politologiia: Leksikon. Moscow: ROSSPEN. Pp.346-365. (in Russ.)
- Toffler A.* (2004). Tre'tya volna [The Third Wave]. Moscow: AST. (in Russ.)
- Toynbee Arnold J.* (2011). Tsivilizatsiia pered sudom istorii. Mir i Zapad [Civilization on Trial. The World and the West]. Moscow: ACT: Astrel'; Vladimir: VKT. (in Russ.)
- Tsirel' S.V.* (2017). Ekonomika blizhaishhego budushchego [The Economy of the Near Future] // Terra Economicus. T. 15. №1. Pp. 44–67. (in Russ.)
- Webster F.* (2004). Teorii informatsionnogo obshchestva [Theories of the Information Society]. Moscow: Aspekt Press. (in Russ.)
- Zhelezniakov A.S.* (2008). Tsivilizatsionnye prostranstva: problemy globalizatsii [Civilization Spaces: Problems of Glocalization] // Rossiia v global'nykh protsessakh: poisk perspektivy / Otv. red. chlen-korrespondent RAN M.K.Gorshkov. Moscow: Institut sotsiologii RAN. Pp. 297–314. (in Russ.)
- Zinov'ev A.A.* (2003). Zapad [West]. Moscow: Eksmo. (in Russ.)